

ГЛАВА 29. ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С ХУАН ЖУН

Ресторан Фэньюэ — самый величественный и роскошный ресторан в Чжунду. Несмотря на то что заведение уже несколько лет принадлежало Ваньянь Кану, он до сегодняшнего дня ни разу не переступал его порога. Делами здесь, согласно названию, заправляли Лин Фэн и Лин Юэ, а Ваньянь Кан лишь изредка анализировал их отчёты и намечал дальнейшую стратегию. Истинная причина его отсутствия крылась в болезненной привязке к этому месту. Сверившись с картами, он понял: спустя тысячу лет здесь, в будущем Пекине, будет стоять его дом. Не та скромная квартира, которую он снимал вместе с Лин Юэ ради учёбы, а настоящий отчий дом Лин Юя, где он когда-то жил вместе с родителями.

Поскольку час обеда ещё не настал, посетителей в Ресторане Фэньюэ было немного. Управляющий — почтенный старец лет пятидесяти — увидев Лин Фэна и Лин Юэ, тут же поспешил навстречу. Он не узнал юношу, стоявшего рядом с ними, а Ваньянь Кан и не думал объясняться. Поднявшись на второй этаж, он занял столик у окна, откуда открывался широкий обзор на улицу. Вскоре к нему присоединились Лин Фэн и Лин Юэ, закончившие разговор с управляющим.

Лин Юэ давно заметил, что сегодня молодой наследник ведёт себя необычно. Сам приход в этот ресторан нарушал их многолетнюю традицию, да и общее состояние юноши казалось иным — перемены начались сразу после получения письма от монгольского Тэмуджина.

Лин Юэ слегка нахмурился:

— Если господину не по нраву принцесса Хуачжэн, вы всегда можете отказаться. Князь-отец сам говорил, что в этом деле всё зависит от вашего желания.

Ваньянь Кан посмотрел на верного соратника и с улыбкой покачал головой. Тэмуджин уже не раз намекал императору-деду на возможность союза с Хуачжэн, и тот, похоже, склонялся к согласию, о чём прямо известил Ваньянь Хунле. А сегодня утром он прислал письмо самому князю Чжао, в котором недвусмысленно давал понять: принцесса скоро прибудет в Чжунду.

Для Кана это не стало сюрпризом. Ещё восемь лет назад, во время поездки в Монголию, он предвидел нечто подобное. Пусть его кинжал не был золотой саблей, а их клятва с Тэмуджином носила иной характер, для Хуачжэн тот жест стал обещанием. К тому же за прошедшие годы она слишком явно выказывала свои чувства.

— Я уже дал согласие, — спокойно произнёс Кан.

Это не было ошибкой. Брак поможет удержать Тэмуджина. Сейчас монгольский вождь стал куда сильнее, чем восемь лет назад. Хотя Государство Цзинь тоже крепко, внезапная война могла превратиться в затяжную бойню. Это ляжет непосильным бременем на плечи народа, а когда люди доведены до отчаяния, само существование государства оказывается под угрозой. Кан потратил одиннадцать лет на то, чтобы хоть немного облегчить жизнь простых подданных — он не мог позволить своим трудам пойти прахом.

«Любовь — субстанция зыбкая и ненадёжная», — думал он. Ещё в двадцать первом веке он видел достаточно примеров того, как браки, заключённые по великой страсти, распадались быстрее союзов по расчёту. Дядя Лин Юя был тому живым примером: клятвы в вечной верности у алтаря, а через миг — развод и новая пассия.

Кан горько усмехнулся. В этом смысле Лин Юй мог считаться счастливым: его родители хотя бы сохраняли видимость гармонии, пусть даже из-за того, что оба были по уши в своих делах. Он и не думал, что однажды сам пойдёт по их стопам.

Династический брак. Осознав это, он и пришёл сюда. И всё же Кан верил, что справится лучше. Он всегда считал, что семья, ради каких бы целей она ни создавалась, накладывает ответственность. Нужно делать всё, чтобы в доме царил мир. Именно поэтому он чувствовал глухое недовольство матерью. Кем бы она ни была в прошлом, сейчас она — княгиня Чжао, и обязана нести это бремя. Однако Бао Сижо лишь грезил о покойном муже, забывая даже о собственном ребёнке. Неудивительно, что и настоящий Ваньянь Кан в оригинальной истории всегда был ближе к отцу, чем к ней.

В этот момент снизу донёсся шум. Ваньянь Кан, слегка нахмурившись, встал, чтобы взглянуть на причину переполоха. У входа стоял оборванный мальчишка лет одиннадцати-двенадцати. Управляющий преградил ему путь, но вёл себя вежливо: он даже пообещал накормить бродяжку обедом на заднем дворе. Мальчишка, однако, не спешил уходить.

— Наслышан я был о Ресторане Фэньюэ, но, видно, слава его преувеличена, — пробормотал он себе под нос, но так, чтобы управляющий его услышал.

Кан не пропустил искру лукавства, сверкнувшую в глазах подростка.

— Лин Фэн,пусти его, — негромко распорядился он, возвращаясь на место. — Этот малый не так прост.

Если он не ошибался, перед ним была именно она. Оборванная одежда, цзяннаньский говор, недюжинный ум и... искусно скрытый женский облик.

Если Го Цзин сопровождает Толуя и Хуачжэн и прибудет в Чжунду на четыре года раньше срока, то и появление Хуан Жун не должно удивлять. Кан взглянул в сторону лестницы. Значит ли это, что сюжет «Легенды о героях Кондора» тоже сместился и начался прямо сейчас?

«Если Му И тоже здесь...» — Кан невольно улыбнулся, но в этой улыбке сквозила печаль. Времени почти не осталось. Если он продолжит нынешнюю политику, отец сможет справиться с грядущими бедами и без него. Нужно позволить событиям идти своим чередом. Даже если судьба предписывает ему не пережить этот год, он может уйти со спокойным сердцем. Конечно, это лишь худший исход. Возможно, этот «мальчишка» — вовсе не та, о ком он подумал, и Му И не появится в городе. Кан поднял кубок и осушил его одним глотком. В любом случае, он никогда не вернётся в будущее. Уговор с Носом был невыполним.

Благодаря вмешательству Фэна девушка беспрепятственно поднялась на второй этаж. Остановившись перед Ваньянь Каном, она долго вглядывалась в его лицо, прежде чем спросить:

— У тебя не самое лучшее настроение, верно?

— Пожалуй, — Кан мягко улыбнулся гостье.

Несмотря на долгие годы жизни на севере, он прекрасно понимал её южный диалект — его мать была родом из тех мест.

— Заказывай что пожелаешь.

— Что угодно и сколько угодно? И ты за всё платишь?

Кан лишь кивнул:

— Разумеется.

Кем бы она ни была, на землях Государства Цзинь он считал своим долгом заботиться о благополучии людей. А уж если это Хуан Жун — пускай заказывает хоть всё меню, для него это сущие пустяки.

Девушка окинула взглядом стол, заставленный изысканными деликатесами, и на мгновение задумалась. Найти нечто более дорогое было сложно, поэтому после долгих раздумий она выбрала несколько блюд с неповторимым колоритом Цзяннани.

Она притронулась к еде лишь пару раз и объявила, что сыта. Кан снова улыбнулся. За время короткой беседы он окончательно убедился: перед ним Хуан Жун. Скоро в Чжунду явятся Го Цзин и Хуачжэн, и судьба сведёт их. Вмешиваться он не планировал.

Хуан Жун пристально смотрела на него, нахмурившись:

— Так почему ты не весел?

— Если быть точным, я бы не назвал это плохим настроением, — ответил Кан.

— Ты ведь всё время прячешь свои чувства за этой улыбкой? — она сочувственно покачала головой. — Если не хочется смеяться, не заставляй себя. Со стороны это выглядит очень печально. Даже мне стало как-то не по себе.

Лин Юэ, стоявший рядом, едва заметно кивнул, соглашаясь с её словами.

Действительно ли он лишь прикрывался улыбкой? Кан и сам не знал. Это не была застывшая маска героя из какой-нибудь драмы. Просто он привык улыбаться, и в моменты, подобные этому, любое другое выражение лица казалось ему неуместным.

— Возможно, это просто привычка. Я и не замечал. Прости.

Девушка будто не слышала его, она внезапно прослезилась.

— Отец... он больше не хочет меня знать.

Эту фразу Кан помнил ещё по книге, но услышать её вживую было совсем иным опытом. На миг он замер, нахлынули собственные горькие мысли: «Папа и мама тоже забыли про Сяо Юя. Почему они никогда не замечали меня? Только работа, бесконечная работа... А если и вспоминали, то лишь ради приличия на скучных приемах».

Он понимал, что не имеет права утешать её, но всё же произнёс:

— Может быть, ты просто его не поняла? — эти слова предназначались и ей, и тому внутреннему голосу из прошлого. Он вспомнил, как родители тревожились, когда Лин Юй единственный раз в жизни серьёзно заболел. Значит, где-то в глубине души они всё же любили его.

— Тогда почему он не ищет меня?

Кан протянул ей чистый шелковый платок.

— Откуда тебе знать? Может быть, именно в эту минуту он сбился с ног, разыскивая тебя по всему свету?

Он помнил, что Хуан Яоши, едва дочь сбежала, нарушил все клятвы и отправился на поиски. Было бы трагедией, если бы Жун-эр так и не узнала об этом.

Девушка взяла платок и вытерла слезы.

— И то верно. Погуляю ещё немного и вернусь.

Она перевела взгляд с Кана на молчаливого Лин Юэ:

— Кстати, я так и не узнала имён своих благодетелей.

— Лин Юй, — ответил он, а затем указал на спутников. — Это Лин Юэ, а внизу тебя встретил Лин Фэн.

Уже несколько лет, покидая Поместье князя Чжао, они использовали эти имена — фамилия Ваньянь была слишком приметной.

— А я — Хуан Жун.

<http://bllate.org/book/17543/1705667>